

8. Engelberger, J.F. (1982). Robotics in practice: Future capabilities. *Electronic Servicing & Technology magazine*.
9. Glynne, P. Benefits management-changing the focus of delivery. *Association for Progress Management Yearbook 2006/07*, 45–49.
10. Leyton, R. Investment appraisal: the key for IT? In Farbey, B., Land, F., F. & Target, D. (Eds.) *Hard Money, Soft Outcomes*. Henley on Thames, Alfred Waller Ltd, in association with Unicom. 1995.
11. Office of Government Commerce (OGC). (2007). *Managing Successful Programs*. A book review by R. Max Wideman, AEW Services, Vancouver, BC © 2009.
12. Office of Government Commerce (OGC), 2009. *Managing successful projects with PRINCE-2*.
13. Project management Institute (PMI). (2006). *The Standard for Program Management*.
14. Remenyi, D. & Sherwood-Smith, M. Business benefits from information systems through an active benefits realization programme. *International Journal of Project Management*, 1998, 16, 81-98.
15. Reiss, G. et al *Gower Handbook of programme management*, Gower Publishing, 2006.
16. Thorp, J. *The Information Paradox – realizing the business benefits of information technology*, Toronto, Canada, McGraw-Hill, 1998.
17. Von Hippel, E. (1988). *Sources of Innovation*. Oxford University Press. *The Sources of Innovation*.
18. Ward, J., Taylor, P. & Bond, P. Evaluation and realization of IS/IT benefits: an empirical study of current practice. *European Journal of Information Systems*, 1996, 4, 214-225.
19. Wikipedia.org.

Ковалёва Н.Н. к. ист. н., доцент
 УО «Брестский государственный технический университет»
 г. Брест, Республика Беларусь
 spin@bstu.by

ПУТЬ К РЫНКУ: ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Реформирование экономики Беларуси, так же, как и экономики России, в составе которой находились белорусские земли, началось с реформы 1861 г., не только коренным образом изменившей характер организации производства в сельском хозяйстве, но и открывшей путь развитию предпринимательства в других отраслях. Реформа положила конец монополии помещиков на землю, перехода помещичьих хозяйств к использованию наемного труда и внедрению капиталистической аренды земли. Освобождение сельского хозяйства от феодальных пережитков носило затяжной характер. Прежде всего потому, что сохранялось помещичье землевладение, хотя доля дворянского сословного землевладения сокращалась достаточно активно. По данным поземельной переписи 1877 г., помещикам принадлежало 50,3% земли [1, с. 36]. С другой стороны, росту крестьянского землевладения мешала обремененность крестьян выкупными платежами, которые они должны были вносить государству за предоставленную им «помощь» в выкупе помещичьей земли. Серьезным препятствием на пути нормального развития сельского хозяйства было и сохранение других пережитков феодализма: арендаторства на чиншевом праве, чересполосицы. Зато белорусские земли имели то преимущество, что здесь уже с 1864 г. крестьяне получили возможность заключать выкупные сделки с помещиками и становиться собственниками земли, а помещики вынуждены были активно переходить к использованию наемного труда. В то время как в других губерниях России процесс заключения выкупных сделок растянулся до 80-х гг.

Помимо позитивных последствий восстания 1863–64 гг. (более льготные условия реализации крестьянской реформы), имели место последствия и прямо противоположного плана: ужесточение политики русификации, экономический аспект которой проявился в ряде дискриминационных по отношению к белорусским производителям сельскохозяйственной и промышленной продукции мер. Прежде всего, это относилось к проблеме купли-продажи и аренды земли. Все поземельные операции осуществлялись под жестким давлением ограничительных законов, которые регулировали состав землевладельцев по принципу вероисповедания [2]. В результате этой политики в белорусских губерниях коренным образом изменился национальный состав землевладельцев (количество земли в руках лиц «польского происхождения» с 1864 по 1886 г. сократилось в три раза: с 1947064 до 636722 десятин) [3]. Появились новые владельцы, не имевшие ни средств, ни опыта, ни знаний для развития хозяйств. Обремененность денежными выплатами в пользу государства, лишение помещиков-католиков права закладывать имения в Дворянском банке, а крестьян-католиков – права пользоваться льготами в Крестьянском банке заставляли землевладельцев сокращать расходы на приобретение новой техники, закрывать конные заводы. И даже строительство железных дорог в России, многие из которых прошли через белорусские земли, не содействовало увеличению экспорта сельскохозяйственной продукции из Беларуси. Правительство установило такие железнодорожные тарифы, которые делали более выгодным транспортировку хлеба на дальние расстояния (из центральных районов России и Поволжья за границу), чем на короткие – из Беларуси. Невыгодные железнодорожные тарифы подрывали не только зерновое хозяйство на белорусских землях, но и мясное животноводство, так как говядина, привезенная из степных районов России, была дешевле местной. Действие ограничительных законов тормозило и развитие промышленности, так как препятствовало накоплению капиталов в руках дворян предпринимателей и городских торговцев, ремесленников еврейской национальности.

И, тем не менее, несмотря на факторы, которые тормозили развитие экономики, уже в 80-е –90-е гг. начинается подъем белорусского сельского хозяйства, а к началу Первой мировой войны по уровню интенсивности сельского хозяйства, белорусские губернии превосходят многие губернии Европейской России. Для того чтобы сопоставить уровень интенсивности сельского хозяйства Беларуси с уровнем других близлежащих губерний Российской империи, белорусский ученый М.В. Довнар-Запольский предложил использовать в качестве показателя интенсивности сельского хозяйства величину валового дохода на один гектар сельскохозяйственной площади (пашня, луг и выгон). По данным ученого, в довоенное время три белорусские губернии (Минская, Витебская, Могилевская) давали валового дохода на один гектар сельскохозяйственной площади 68,7 рубля. Находящийся рядом Смоленский регион давал 67,1 руб. дохода, восемь украинских губерний – 62,5 руб. В Московско-промышленном и Центрально-земледельческом районах доход с гектара был несколько выше 45 руб., а в остальных он был значительно меньше (до 16 руб. в Юго-восточном) [4, с. 38].

Интенсификация белорусского сельского хозяйства стала прежде всего результатом проявившихся спустя 20 лет благотворных последствий реформы 1861 г. Большинство помещичьих хозяйств перешло к использованию наемного труда. Во второй половине 90-х гг. в белорусские губернии по уровню использования батрацкого труда занимали одно из первых мест в Европейской России, уступая по этому показателю только прибалтийским и Ковенской губерниям [5, с. 12]. Важным фактором повышения товарности сельского хозяйства стал рост крестьянского землевладения. К 1905 г. крестьянские хозяйства, имевшие наделы свыше 10 десятин, составляли в Гродненской губернии 84,8%, в Виленской – 65,5%. Повышение роли крестьянского хозяйства в экономике страны выразилось не только в росте крестьянского землевладения, но и в развитии капиталистической аренды. Если учесть, что крестьяне получили наделной земли 5,5 млн. десятин [6], приобрели к началу XX века дополнительно 2,04 млн. десятин и арендовали к этому времени более 3,5 млн. десятин земли [7], то можно утверждать, что на большей части посевных земель Беларуси (11,4 млн. десятин) велось хозяйство крестьянского типа. Благоприятно изменилась и демографическая ситуация. За 50 лет после отмены крепостного права население белорусских губерний выросло в 2,5 раза [8, с. 8], что явилось, с одной стороны, следствием улучшения материального положения населения, а с другой, стало важным фактором, стимулирующим подъем хозяйства.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что интенсификация стала результатом естественного развития хозяйства, ориентированного на рынок. Белорусское сельское хозяйство за несколько десятилетий «нащупало» те направления, которые содействовали повышению его товарности. Увеличились посевы яровых культур (яровой овес) и производство озимой ржи, используемой для нужд собственного потребления. Однако белорусские губернии не обеспечивали себя пшеницей: с 1884 г ввоз зерна в белорусские губернии превышал вывоз. Белорусские производители сделали ставку на выращивание картофеля и так называемых технических культур: льна, пеньки, конопли, свеклы и табака. Значительный процент этих культур поставлялся на рынок. Картофель подвергался промышленной переработке и поступал на рынок в виде крахмала и спирта. Лен, пенька и конопля вывозились, в основном, в переработанном виде. М.В. Довнар-Запольский обратил внимание на связанность условий, которые «создавали в Беларуси уклон хозяйства в сторону картофеля, льна и животноводства. Лен на землях, находящихся в постоянном севообороте лучше всего удаётся без сильного напряжения удобрением тогда, когда эта культура перемежается с картофелем и сеянными травами» [4, с. 39]. Ориентируясь на производство картофеля, белорусское сельское хозяйство должно было поддерживать и технические культуры (или наоборот) и вместе с ними и культуру сеяных трав. Выращивание картофеля и трав создало хорошую базу для развития животноводства. Этому способствовал и рост цен на продукцию животноводства на внутрисоюзном и внешних рынках, особенно на свинину, сало и масло. С 1856 г. по 1911 г. стадо крупного рогатого скота в пяти западных губерниях выросло более чем в 2 раза [9, с. 148], причем проявилась тенденция приоритетного роста молочного скота. Если в 60-е –70-е гг. численность дойного скота составляла 1/3 часть от общего количества крупного рогатого скота, то к началу XX века – уже 50% [9, с. 152]. Для экспорта продукции стал активно использоваться водный транспорт. Реки и каналы Огинского и Днепровско-Бугский давали возможность вывоза продукции в Польшу и Прибалтику.

В конце XIX века в белорусских губерниях наблюдается бум предпринимательской активности: 40% промышленных предприятий Северо-Западного края возникает в последнее десятилетие XIX века (1891–1900 гг.) [10 л. XX]. Белорусская промышленность получила новый импульс к развитию благодаря изменению демографической ситуации, интенсификации сельского хозяйства и росту спроса на продукцию местных предприятий. Первое место среди отраслей производства заняла пищевая промышленность, перерабатывающая продукцию сельского хозяйства.

Значительную роль в подъеме сельского хозяйства сыграли и правительственные мероприятия. Закрепившийся в 20-е годы в исторической науке классовый подход к изучению истории породил известный нигилизм в отношении деятельности царского правительства. Между тем, в конце XIX века были предприняты серьезные меры по ликвидации пережитков феодализма (арендаторства на чиншевом праве, сервитутов, чересполосицы), распространению сельскохозяйственных знаний, мелиорации земель и др. По закону от 9 июля 1886 г. чиншевики были переведены на обязательный выкуп. Многие из них перешли к простой аренде (на срок от 6 до 12 лет), что, безусловно, было прогрессивным явлением. Решалась и проблема сервитутов (общинных земель, которые были отобраны помещиками при крепостном праве). Если в пореформенное время пользовались сервитутами в Виленской губернии 49% хозяйств, в Гродненской – 60% [1, с. 39], то к 1911 г. доля таких хозяйств сократилась в Виленской губернии до 22,6%, а в Гродненской – до 28,8% [9, с. 100]. Но проблема не была решена полностью и даже несколько обострилась в связи с переходом на многопольную систему севооборота, повышением цен на землю и лес, а также по мере дробления крестьянских наделов.

Много усилий потребовало от правительственных органов решение проблемы чересполосицы. При подворном землевладении участки крестьянского хозяйства, образованные по так называемой шнуровой системе, часто состояли из многих десятков узких полосок, разбросанных во всех направлениях надела чересполосно с участками других хозяев. Это

создавало препятствия развитию крестьянского хозяйства, обрекая его на устаревшую систему земледелия (трехполье) и использование ручного труда. В середине 80-х гг. в Гродненской губернии чересполосица охватывала 42,1% имений, в Виленской – 50,9% [1, с. 98]. Ликвидации чересполосицы могло способствовать только распространение хуторской системы землепользования. Анализ протоколов заседаний местных комитетов Гродненской губернии показывает, сколь много усилий прилагали административные органы и, в частности, губернаторы Д.Н. Батюшков и П.А. Столыпин, для изменения сложившегося порядка землепользования. К 1914 г., в результате реализации известной Столыпинской реформы, степень распространенности хуторской и отрубной форм землеустройства в белорусских губерниях оказались намного выше, чем в других губерниях России: 97,4% – в Виленской, 92,9% – в Витебской, 89,1% – в Могилевской, 81,5% – в Минской и 61,9% – в Гродненской [11, с. 148]. Губернские комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности занимались и проблемами борьбы «с врагами сельского хозяйства», в частности песками, оврагами, болотами, добываясь учреждения в казенных лесничествах обширных питомников саженцев и складов семян для проведения так называемого «облесения» с целью защиты крестьянских земель от песков [12, с. 39]. Первой попыткой целенаправленного осушения болот в Беларуси стала работа в 1873–1898 гг. в Гродненской губернии «Западной экспедиции по осушению болот Полесья» во главе с генералом И.И. Жилинским. Объектом осушения стали в основном казенные дачи (земли помещиков и царских чиновников): было осушено 7 таких дач. Осушенные площади отводились под сенокосы, либо использовались под огороды и пашню.

В конце XIX– начале XX вв. царское правительство отменило многие законы и постановления, имевшие дискриминационный по отношению к населению Беларуси характер. Дабы пресечь дальнейшее дробление крестьянских хозяйств и не усугублять проблему чересполосицы, Николай II в 1895 г. согласился распространить на западные губернии действие «переселенческого» закона от 13 июня 1889 г., разрешающего переселение в Сибирь. До этого времени действие закона на белорусские губернии не распространялось, чтобы не уменьшить в крае процент православного населения. В 1897 г. был отменен контрибуционный сбор с имений помещиков-католиков. Это обстоятельство, также как и появление кредитных учреждений в крае, позволили помещикам создать ряд «заводов» по разведению породистого скота и активизировать селекционную работу. Крестьяне-католики по закону от 1-го мая 1905 г. получили право арендовать землю и приобретать ее у поляков. Можно сказать, что спустя 40–50 лет после восстания, экономическая политика правительства в западных регионах утратила репрессивный характер и стала более ориентированной на развитие региона.

Отказ от дискриминационных мер по отношению к населению белорусских губерний и реализация комплекса мероприятий, способствующих экономическому развитию региона, для царского правительства стал проявлением общей политики, направленной на экономический подъем страны. Российский капитализм изначально формировался как государственный. Получив в ходе реализации реформы 1861 г. огромные средства в виде выкупных платежей, государство вложило их в железные дороги (казне принадлежало 70% общей протяженности железнодорожной сети империи), военные заводы, стало акционером многих крупнейших предприятий. Опираясь на свою финансовую мощь, государство могло формировать экономическую политику России. Начиная с 90-х гг. правительство реализует серию реформ, направленных на индустриализацию страны. Инициатор этих реформ, министр финансов (в 1892–1903 гг.) С.Ю. Витте видел в государственном вмешательстве в экономику фактор, могущий обеспечить ускоренный рост отечественной индустрии. Эту линию продолжил премьер-министр (с 1906 по 1911 гг.) П.А. Столыпин, некогда занимавший пост Гродненского губернатора. Росту отечественной промышленности, безусловно, способствовала политика таможенного протекционизма и изменение системы налогообложения. Государственная налоговая политика была направлена на поддержку небольших заводов в помещичьих имениях при условии, что они перерабатывали только сырье данного имения. В «Обзоре Гродненской губернии» за 1886 г. отмечалось, что: «развитие винокурения в губернии является не только отдельной отраслью извлечения дохода, сколько подспорьем хлебопашеству и скотоводству» [13, с. 3]. В официальной отчетности губернских статистических комитетов эти отрасли, равно как и производство табака, переработка льна, пеньки, конопли, свеклы, производство молочной и мясной продукции квалифицировалось, как вспомогательные отрасли сельского хозяйства. В 1898 г. вступил в силу подготовленный Министерством финансов закон о промысловом налоге, т. е. налоге на предпринимательскую деятельность. Объектом обложения, согласно этому закону, являлся не предприниматель, как было прежде, а предприятие, что обеспечивало пропорциональность налогообложения. Денежная реформа 1897 г. не только стабилизировала рубль, но и содействовала привлечению в страну иностранных капиталов.

Таким образом, отмена многочисленных, стесняющих развитие хозяйства ограничений, продиктованных политическими соображениями, реализация мер по преодолению пережитков феодализма, и новая экономическая политика правительства помогли становлению рыночной экономики и интенсификации сельского хозяйства. Белорусская промышленность, ориентированная на переработку местного сельскохозяйственного и минерального сырья, не смогла достичь таких успехов, как сельское хозяйство в силу недостатка капиталов и конкуренции со стороны центральных районов России и Польши

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлькін, Х.Ю. Аграрны крызіс / Х.Ю. Бейлькін // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. / рэд. калегія: М.В. Біч, А.П. Грыцкевіч, М.І. Ермаловіч [і інш.]. – Мн.: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі. – Т. 1. – 1993. – 494 с.
2. Гродненская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.– СПб, 1903.
3. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: изд-во Госплана БССР, 1926.
4. Доўнар, А., Панюціч, В., Зялінскі, П., Саковіч, В. Сялянства / А. Доўнар, В. Панюціч, П. Зялінскі, В. Саковіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Мн.: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі. – Т. 6, кн.1. – 2001.– 592 с.

5. Жытко, А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму (1861–1914 гг.) / А.П. Жытко. – Мн.: БДПУ, 2003. – 233 с.
6. Ковалева, Н.Н. Экономический аспект русификаторской политики российского царизма в Беларуси / Н.Н. Ковалева // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – № 6 (30). – С. 19 – 21.
7. Национальный Исторический Архив Беларуси в г. Гродно (ГУ «НИАБ в г. Гродно»). – Фонд 1. – Оп. 17. – Д. 691. – Л. 43–44.
8. Обзор Гродненской губернии за 1886 г. – Гродно, 1887.
9. Панютин, В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В.П. Панютин. – Мн.: Наука и техника, 1990. – 375 с.
10. Погожев, А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда / А.В. Погожев. – Издание императорской Академии наук. – С-Петербург, 1906.
11. Проблемы аграрной истории Беларуси (XIX – 30-е годы XX в.). – Ч. 2. – Мн., 1978.
12. Сидельников, С.М. Аграрная реформа Столыпина: учебное пособие / С.М. Сидельников / под ред. проф. Е.Ф. Черменского. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1973. – 335 с.
13. Экономическая география СССР / под ред. М.Б. Вольфа и Г.А. Мебуса. Разд. СССР по районам. Западная область (Белорусская ССР и западная область РСФСР) / сост. проф. М.В. Довнар-Запольский. – Москва – Ленинград: госуд. изд-во, 1928.

Кравченко А.А.

УО «Белорусский государственный экономический университет»
г. Минск, Республика Беларусь
wildsent@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Понятие «благополучие населения» чаще всего отождествляется с материальным благополучием граждан страны, которое можно оценить с использованием агрегированных макроэкономических показателей, таких как ВВП на душу населения, уровень безработицы, уровень инфляции и т. д. Однако такое понимание является хоть и удобным для экономического анализа, тем не менее, не в полной мере отражает происходящие преобразования в уровне жизни, которое включает в себя также изменение в психологическом и социальном положении граждан. В своих работах Р.А. Истерлинг [1], С. Фрей [2, с. 3] и П.Р. Лэйард [3] выявили отсутствие ярко выраженной прямой зависимости уровня удовлетворенности жизни граждан от материального благополучия страны. Данные исследования поставили под сомнение возможность использования таких агрегированных показателей, как ВВП и ВНП, для характеристики изменений уровня жизни населения, а также для отражения всех тех социальных и экономических процессов, которые происходят в рамках формирования постиндустриальной экономики.

Отсутствие положительного влияния роста материального благополучия на уровень удовлетворения жизни может быть обусловлено его экстенсивной природой, т. е. с помощью повышения рабочего времени населения. Как отмечает в своей работе Д. де-Грааф, снижение свободного времени в свою очередь оказывает отрицательное воздействие на психологическое благополучие, т. к. не позволяет индивидууму достигнуть желаемого уровня удовлетворения, даже обладая необходимым запасом финансовых ресурсов [4, с. 244]. Возможно и обратное, при том же уровне финансового благополучия возможно улучшение уровня удовлетворения жизни путем качественных преобразований в распределении времени индивидуумов (например: новые виды развлечений, увеличение количества времени досуга и т. д.). Игнорирование данных фактов может приводить к искажению понимания происходящих процессов в обществе.

Одним из возможных путей решения данной проблемы, на наш взгляд, выступает мониторинг использования времени. При этом анализ должен быть, прежде всего, ориентирован на распределение человеческого времени, выступающего в качестве ключевого фактора формирования не только производства, но и всех хозяйственных процессов и отношений. Смещение акцента в сторону человеческого времени и особенностей его распределения в существующих социально-экономических условиях позволит не только более полно проанализировать происходящие процессы в обществе, но и выступит в качестве основания для разработки направлений преобразования сложившегося жизненного уклада.

Развитие в области компьютерно-информационных технологий, транспорта, практически повсеместное увеличение количественных и качественных характеристик предлагаемых товаров и услуг, наблюдаемые в настоящее время, оказывают существенное влияние на распределение временных ресурсов. Так, развитие информационно-компьютерных технологий позволило нивелировать целый ряд пространственных характеристик, обеспечив доступ к событиям при отсутствии необходимости непосредственного присутствия, сократив тем самым транспортные издержки человека, выраженные как в денежной, так и в темпоральной форме. Использование гибких рабочих графиков уменьшает временную зависимость досуга, открывая доступ к различным видам отдыха практически в любой момент времени, тем самым позволяя достигнуть ситуации, когда для деятельности будет выбран такой временной период, при котором удовольствие может быть максимизировано, а альтернативные издержки будут минимальны.

Появление компьютерных игр, мобильных телефонов, наряду с расширением возможностей Интернет-технологий увеличило количество возможных разновидностей времяпрепровождения. При этом новые виды отдыха стали вытеснять